



ПЛАНЕТА

ДЕРАН

ЛАНА ВАРНАВСКАЯ

Лана Варнавская

Планета Леран

<https://litres.ru/74110469>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где магия течёт по жилам планеты, а судьба сплетается из нитей прошлого и будущего, разворачивается история о любви, предательстве и искуплении. Файлы — девушка, несущая бремя вины за древнюю катастрофу, и Лир — провидец, способный видеть чужие страдания, — должны объединить силы, чтобы спасти свой мир от надвигающейся тьмы.

Когда древние руны на востоке вспыхивают зловещим светом, а сама планета начинает угасать, им предстоит не только сразиться с могущественным врагом, но и преодолеть собственные страхи и сомнения. В этом путешествии они узнают, что истинная сила кроется не в способности управлять магией, а в умении любить и прощать.

Эта история о том, как двое, наделённых разными дарами, находят путь к сердцам друг друга и к сердцу своей планеты. О том, как прошлое может стать ключом к будущему, а боль — источником силы. И о том, что даже в самые тёмные времена надежда продолжает гореть, освещая путь к свету.

Содержание

ЛЕГЕНДЫ О КОСМОСЕ	4
Глава 1. Тень над Лераном.	6
Глава 2. Тайны прошлого.	16
Глава 3. Встреча Лира и Файлы.	27
Глава 4. Танец света и тени.	36
Глава 5. Пробуждение сердца Лерана.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лана Варнавская

Планета Леран

ЛЕГЕНДЫ О КОСМОСЕ

КНИГА 2

Планета Леран

Предисловие

В мире, где магия течёт по жилам планеты, а судьба сплетается из нитей прошлого и будущего, разворачивается история о любви, предательстве и искуплении. Файлы — девушка, несущая бремя вины за древнюю катастрофу, и Лир — провидец, способный видеть чужие страдания, — должны объединить силы, чтобы спасти свой мир от надвигающейся тьмы.

Когда древние руны на востоке вспыхивают зловещим светом, а сама планета начинает угасать, им предстоит не только сразиться с могущественным врагом, но и преодолеть собственные страхи и сомнения. В этом путешествии они узнают, что истинная сила кроется не в способности управлять магией, а в умении любить и прощать.

Эта история о том, как двое, наделённых разными дарами, находят путь к сердцам друг друга и к сердцу своей планеты. О том, как прошлое может стать ключом к будущему, а боль — источником силы. И о том, что даже в самые тёмные времена надежда продолжает гореть, освещая путь к свету.

В романе гармонично переплетаются элементы фэнтези, драмы и романтики, создавая захватывающую историю о борьбе за выживание, поиске истины и обретении настоящей любви. Читателей ждёт увлекательное путешествие по миру, где магия и технологии сосуществуют, где каждый выбор имеет цену, а каждое решение может изменить судьбу целого мира.

Глава 1. Тень над Лераном.

Лир

Я стоял у высокого окна башни Совета и смотрел, как город Истара будто съёживается под тяжестью этого медного неба. Оно не было таким в дни моего выпуска из Академии — тогда небо над Лераном сияло пронзительной лазурью, а воздух звенел от радости и гордости. В тот день мне аплодировали все наставники, даже суровый мастер Каэрон, который за пять лет обучения похвалил меня, наверное, трижды. Я окончил Академию с отличием, и в зале, полном магов, учёных и дипломатов, прозвучало то, что раньше казалось невозможным: «Лир из рода Тари — единственный ныне живущий провидец». Экзамены я сдавал здесь, в дополнительном корпусе академии на этой планете.

Слова повисли в воздухе, как раскалённые нити, и я чувствовал, как на меня смотрят не как на юношу, только что сдавшего последние экзамены, а как на знак, предзнаменование, угрозу или надежду — каждый видел во мне что-то своё.

Теперь, спустя всего несколько месяцев, эта слава казалась мне тяжёлым плащом, который сковывает движения.

Провидец. Слово звучало гордо, но за ним таилось столько страхов, что иногда по ночам я просыпался в холодном поту, не в силах отличить, где кончается сон, а где начинается будущее.

За моей спиной тихо вздохнула Милана. Я узнал этот звук — она пыталась казаться спокойной, но в нём слышалась тревога, тонкая, как лезвие. Она всегда умела прятать страх за твёрдостью, но от меня ей не удавалось ничего скрыть. Может, это тоже часть моего проклятого дара — чувствовать чужие эмоции, как собственные.

— Ты опять стоишь здесь, когда все ждут внизу, — сказала она, стараясь говорить ровно.

Я чуть улыбнулся, не оборачиваясь:

— Отсюда видно дальше.

Это была наша старая шутка, ещё с детства, когда мы забирались на самую высокую террасу ее с Гордом дома и спорили, кто увидит первый парус на горизонте. Это она построила первый дом не в скалах, а на земле на планете Милания и за этим домом — целый город. Только теперь мы на планете Леран, чтобы разобраться в чем дело и за окном горизонт был не морским, а огненным.

Милана подошла ближе, её пальцы коснулись стекла, словно она хотела оттолкнуть это небо, прогнать его, заставить стать снова голубым.

— Ты слышал, что говорят? Руны на востоке... Они вспыхнули.

Я сжал кулаки. Костяшки побелели. Мне не нужно было слышать слухи, чтобы знать правду. Я видел эти руны во сне — не как картинки, а как ощущения: холод камня, запах гари, шёпот на древнем языке, который я не учил, но понимал. А сегодня утром эти же руны проступили на стене моей комнаты — словно кто-то вывел их кровью и лунным светом.

— Я видел их, — признался я.

Милана резко повернулась ко мне. В её глазах мелькнул ужас, быстро спрятанный за гневом.

— Почему ты не сказал раньше?

— Потому что боялся, что это сведёт меня с ума, — честно ответил я. — Или что ты начнёшь смотреть на меня так, как смотрят все остальные: будто я уже не Лир, а какой-то артефакт, пророчество в человеческом теле.

Она шагнула ко мне, схватила за руку, крепко, до боли.

— Ты мой брат. И ты Лир. И если эти руны что-то значат, мы разберёмся вместе.

Я посмотрел на неё и вдруг почувствовал, как страх отступает, уступая место чему-то другому — решимости.

Внизу ударил колокол. Один удар, второй, третий – предупреждение о наступлении времени отхода ко сну. В этом мире теперь было сложно ориентироваться во времени, поэтому колокола давали ориентир. Звук прокатился по улицам, как волна, и даже зелень Лерана, обычно такая живая и яркая, будто притихла, прислушиваясь.

Леран всегда был планетой буйной, пышной жизни. Здесь леса поднимались к небу, как зелёные башни, их кроны переплетались, образуя живой купол, сквозь который пробивались лучи солнца, окрашивая траву в изумрудные и золотые оттенки. Реки текли не просто водой, а словно несли в себе магию: в их отражении иногда можно было увидеть не своё лицо, а намёк на грядущее. Цветы здесь пахли не просто сладко, а так, будто в каждом аромате пряталась история.

Но сейчас даже эта зелень казалась настороженной. Ли-

стья не шелестели, а будто прислушивались. Трава не гнулась под ветром, а застывала, как перед бурей.

— Мы пойдём на восток, — твёрдо сказала Милана.

Я кивнул. Мой дар, моя сила, моё проклятие — всё это теперь должно служить не страху, а действию.

— Тогда нам лучше поторопиться, — ответил я, глядя на сестру и чувствуя, как внутри разгорается огонь, который не был ни сном, ни видением, а самой настоящей решимостью. — Время уже начало течь быстрее.

Мы вышли из башни, и дверь за нами закрылась с глухим стуком, похожим на начало новой главы. Впереди был путь, полный магии, опасностей и, возможно, ответов, которые я боялся услышать. Но я больше не собирался прятаться от своего дара. Я должен был научиться им управлять — ради себя, ради Миланы, ради Лерана, чья зелёная душа теперь дрожала от надвигающейся Тени.

Файлы.

Я шла по зелёным террасам ботанического сада Академии, и даже привычные запахи трав и цветов сегодня казались мне тревожными. Леран всегда пах жизнью — густо, сладко, с пряной ноткой магии, которая витала в воздухе, как

пыльца. Но сейчас в этом запахе сквозило что-то чужое, будто сама планета затаила дыхание. Листья, обычно шепчущие друг с другом на своём тихом языке, сегодня молчали. Даже пёстрые крылатки, что каждое утро кружились у фонтана, не мелькали в воздухе.

И тут я его увидела.

Незнакомец шёл быстро, почти не глядя по сторонам, и всё же в каждом его движении чувствовалась собранность, какая бывает у тех, кто пытается спрятать тревогу за спокойствием. Он держался прямо, будто на плечах у него лежал невидимый груз, слишком тяжёлый для обычного человека. Его плащ слегка развевался на ветру, обрисовывая сильные плечи и твёрдую линию спины — в этой небрежной грации было что-то, от чего у меня на мгновение сбилось дыхание. На запястье блеснул тонкий серебряный браслет — такой носят выпускники Академии.

Он был мне незнаком, но что-то в нём заставляло сердце биться чаще. Не из-за красоты — хотя черты его лица были резкими, запоминающимися: высокие скулы, тёмные волосы, чуть растрёпанные ветром, упрямый изгиб губ, будто он постоянно сдерживал слишком много слов, — а из-за этой самой тяжести, которую он нёс. Будто он знал то, чего не знал никто другой, и это знание жгло его изнутри, придавая его

облику ту самую притягательную опасность, перед которой невозможно устоять.

Когда он на мгновение замер, будто прислушиваясь к чему-то, я невольно задержала дыхание. Казалось, он вот-вот повернётся и посмотрит прямо на меня. И он действительно повернул голову — но не на меня, а чуть в сторону, туда, где над восточными холмами висела странная, неестественная тишина.

— Руны... — прошептал он так тихо, что я едва расслышала. Но слово прозвучало, как раскат грома.

Руны на востоке вспыхнули. Об этом уже шептались в городе, и каждый шёпот был холоднее предыдущего. Но слышать это от него, видеть, как у него сжимаются кулаки, как на побелевших костяшках проступают тонкие голубые линии — будто сама магия пыталась вырваться наружу, — было совсем другим. В этом сжатом движении, в напряжённых мышцах, в том, как он будто боролся с собственной силой, была такая необузданная энергия, что у меня по коже пробежали мурашки.

А потом случилось нечто странное.

Лианы, обвивавшие колонну рядом с тем местом, где он

остановился, вдруг потянулись вперёд — не к свету, не к теплу, а именно к нему, словно узнавая в нём что-то своё. Тонкие усики дрогнули, будто хотели коснуться его рукава. Цветы на кустах серебристой мяты раскрылись шире, чем позволял час дня, и их аромат стал гуще, почти дурманящим. Я знала: растения не ведут себя так без причины. Они чувствовали в нём силу, которая резонировала с самой сутью Лерана.

И я тоже её чувствовала.

Сама не замечая, я сделала шаг ближе, потом ещё один, будто какая-то невидимая нить тянула меня к нему. Пальцы сами собой разжались, и прохладные лепестки, которые я сжимала, мягко упали на дорожку. В груди разлилось странное тепло, которое пугало меня не меньше, чем надвигающаяся буря. Потому что я слишком хорошо знала, каково это — позволить себе хоть на миг довериться чему-то сильному и опасному.

Моё прошлое было выстроено из таких ошибок. Когда-то я поверила, что смогу укротить чужую магию, что сумею защитить тех, кого люблю, просто обняв их и пообещав, что всё будет хорошо. Я ошиблась. И теперь, когда сердце снова подсказывало: «Подойди, он не такой, как тот, другой», разум ледяным шёпотом напоминал: «Не смей».

Прежде чем я успела сделать ещё хоть шаг, незнакомец снова двинулся вперёд, быстрее, решительнее, и вскоре скрылся за поворотом дорожки, обсаженной высокими кустами серебристой мяты. Лианы тут же опали, будто очнувшись от наваждения, цветы снова сомкнули лепестки, и сад вернулся к своей настороженной тишине. Только моё дыхание никак не хотело выравниваться.

Я осталась стоять, пытаюсь унять дрожь, и смотрела, как мир вокруг снова становится обычным — и оттого ещё более хрупким.

Где-то внизу ударил колокол, предупреждая в последний раз, что наступила ночь. Звук прокатился по городу, и зелень вокруг вздрогнула, будто очнувшись от оцепенения. Листья снова зашелестели, но теперь в этом шелесте слышался не шёпот, а предупреждение.

Милана, (я узнала её по портрету в Совете), появилась на ступенях башни — стройная, решительная, с тем самым взглядом, который говорил: «Мы не будем ждать, пока беда придёт к нам».

— Мы идём на восток! — крикнула она, и её голос прозвучал твёрдо, как приказ и как обещание одновременно.

Незнакомец вышел к ней из тени арки. Он что-то тихо сказал ей, и она кивнула, не тратя времени на лишние слова.

Они были готовы встретить надвигающуюся бурю.

А я стояла среди затихших цветов и понимала: этот день изменит всё.

Леран, планета буйной, пышной жизни, планета, где магия текла по жилам земли, как кровь, теперь казалась настоженной, готовой к удару. Её зелень больше не была просто красотой — она стала щитом, предупреждением, памятью. И я, слышавшая шёпот корней и знавшая каждый оттенок зелёного в этом саду, вдруг почувствовала: впереди не просто буря. Впереди — судьба, и Леран сам подталкивал нас к ней, шаг за шагом, лист за листом, корень за корнем.

Глава 2. Тайны прошлого.

Файлы.

Ночь накрыла Истару плотным покрывалом, и даже фонари, обычно заливавшие террасы мягким золотистым светом, теперь казались тусклыми, будто их пламя съедала эта странная, вязкая тишина. Я не могла уснуть. Леран не давал уснуть: земля под городом всё ещё была напряжена, как натянутая струна, и каждый её вздох отдавался у меня в груди.

Я спустилась в нижний ярус сада — туда, где росли старые лианы, помнившие ещё времена, когда Академия была лишь задумкой на пергаменте. Здесь, в полумраке, среди переплетённых стеблей и тяжёлого аромата ночной жимолости, мне всегда становилось легче. Или, по крайней мере, раньше становилось. Сегодня даже эти древние растения вздрагивали от каждого порыва ветра, будто ждали удара.

Опустившись на колени, я приложила ладонь к сырой земле. Корни ответили сразу — не словами, никогда не словами, а ощущениями: холод, горечь, страх... и ещё что-то, от чего у меня заныло в висках. Это было похоже на эхо старой боли, той самой, которую я столько лет пыталась заглушить.

Тогда, в долине Эри, всё казалось таким простым. Я верила, что магия — это не сила, а забота. Что если ты любишь, то сможешь удержать любую бурю. Мой учитель, мастер Тарен, предупреждал: «Нельзя приручать чужую магию, Файлы. Она не щенок, который будет благодарно лизать руку. Она — огонь, и если ты попытаешься схватить её голыми руками, она сожжёт тебя дотла». Но я не слушала. Я была уверена, что моё сердце — достаточно надёжный щит.

А потом случился Обрыв.

Так потом назвали ту ночь, когда магия, неизвестно от куда взявшаяся, которую я пыталась «успокоить», сорвалась с поводка и ударила по долине. Земля треснула, словно скорлупа, и из разлома хлынуло нечто холодное, древнее, равнодушное ко всему живому. Я до сих пор помню, как кричали люди, как падали деревья, как сама земля будто отворачивалась от нас, не желая больше нас держать.

И помню лицо того, кого я пыталась спасти. Он смотрел на меня не с благодарностью, а с ужасом — будто впервые увидел во мне не девушку, которая обещала всё исправить, а источник катастрофы.

С тех пор я избегала больших потоков магии. Держалась ближе к земле, к корням, к тихому шёпоту трав — к тому,

что не требует от меня быть сильнее, чем я есть. Я научилась слышать самое малое: как раскрывается почка, как тянется к свету молодой побег, как шепчутся между собой листья. И в этом шёпоте старалась не слышать отголосков той ночи.

Но сегодня Леран снова говорил об Обрыве.

Лианы у моих коленей вдруг потянулись вверх, обвивая запястье, словно пытаюсь удержать. Их прикосновение было тёплым, почти человеческим, и в нём чувствовалась настойчивость: «Не прячься. Смотри».

Я закрыла глаза и позволила себе на мгновение вернуться туда, в долину, в тот миг, когда всё пошло не так. И вдруг среди воспоминаний вспыхнул новый образ — чёткий, яркий, чужой.

Незнакомец из сада.

Он стоял не в долине, а на краю разлома, и вокруг него вились те самые руны, что теперь вспыхнули на востоке. Его глаза были полны боли и понимания — такого, будто он видел не только катастрофу, но и каждую мысль, каждый страх, каждую ошибку, что привели к ней. Он протянул руку, и я хотела отпрянуть, но не смогла: что-то в этом жесте было до боли знакомым, будто я уже видела его в своих кошмарах.

Или в своих надеждах.

Образ рассыпался, как дым, и я резко открыла глаза. Лианы тут же опали, будто смущённые собственной дерзостью. В воздухе пахло озоном и мокрой землёй — предвестник грозы, которой не должно быть в это время года.

— Что ты мне показываешь? — прошептала я, обращаясь не к растениям, а к самому Лерану, к его живой, настороженной душе.

Ответа не было. Только тихий стон ветра, да далёкий, едва слышный звон — будто где-то на востоке руны снова шевельнулись, пробуждая что-то древнее и опасное.

Я поднялась, отряхивая землю с ладоней, и посмотрела в сторону восточных холмов. Там, за чертой города, небо было не просто тёмным — оно казалось продырявленным, будто сквозь него просвечивала иная реальность, холодная и чужая.

В этот момент я поняла: Леран не просто предупреждал меня. Он связывал прошлое и настоящее тонкой, почти невидимой нитью. И незнакомец был её узлом.

Не знаю, почему, но я вдруг почувствовала, что должна

пойти туда, на восток. Не потому, что хотела снова стать героиней, не потому, что верила, будто смогу всё исправить. А потому, что если руны и Обрыв — части одной цепи, то мне нужно увидеть, как она замыкается. Даже если это снова разобьёт мне сердце.

Собравшись, я накинула плащ и тихо вышла за ворота сада. Город спал, но я знала: он притворяется. Как притворяется спящим зверь перед прыжком.

Где-то впереди, среди теней и звёзд, Лир и Милана уже шли навстречу буре. И Леран, будто подталкивая меня, шептал листьями: «Иди. Ты нужна там. Даже если боишься».

Лир

Мы шли на восток, и с каждым шагом воздух становился плотнее, будто сам Леран пытался нас задержать. Милана шагала впереди, прямая и собранная, как клинок, готовый к удару. Я старался держаться ровно, не показывать, как внутри всё сжимается от напряжения — не столько от усталости, сколько от того, что мой дар будто сорвался с цепи.

С тех пор как руны вспыхнули, видения накатывали волнами — не как сны, не как картинки, а как ощущения: холод камня, запах гари, чужой страх, оседающий на языке горькой пылью. Я научился отделять свои чувства от этих наплывов,

но сегодня граница между «мною» и «не мною» начала стираться.

Милана обернулась, прищурившись от резкого порыва ветра, который вдруг пронёсся по тропе, взметнув сухую листву.

— Ты опять застыл, — сказала она, и в её голосе слышалась не упрёкость, а тревога. — Что видишь?

Я хотел ответить «ничего», привычно спрятать всё за спокойным лицом, но не смог. Слова застряли в горле, потому что прямо посреди дороги передо мной вдруг встала не картина, а целая лавина чужих эмоций — такая мощная, что у меня потемнело в глазах.

Это не было моим воспоминанием.

Я увидел долину — зелёную, залитую предзакатным светом, такую красивую, что от этой красоты становилось больно. И в этой красоте уже пряталась гибель: тонкая дрожь земли, которую никто не замечал; листья, которые вдруг переставали шептать; воздух, становившийся тяжёлым, как перед грозой.

А в центре всего этого — девушка - Файлы.

Теперь я видел её не просто как силуэт в воспоминании, а во всех деталях, будто стоял рядом и не мог отвести взгляд. У неё были волосы цвета осенней листвы — тёплый, глубокий оттенок между медью и тёмным золотом; они падали свободными волнами, слегка растрепанные ветром, и одна прядь всё время падала ей на глаза, так что она то и дело нетерпеливо откидывала её назад привычным, почти нервным движением. Её кожа была светлой, но не фарфоровой, а словно тронутой солнцем и ветром — с едва заметными золотистыми веснушками на переносице и скулах. Глаза — цвета лесной тени, тёмно-зелёные, почти чёрные в полумраке, но в них вспыхивали тёплые янтарные искры, когда в ней поднималась решимость.

В видении она стояла, раскинув руки, будто пыталась обнять саму катастрофу и удержать её силой своей веры. Её лицо было искажено не страхом, а отчаянной решимостью, в глазах плескалась такая боль, будто она заранее знала, что проиграет, но всё равно не могла опустить рук.

«Я смогу. Я всё исправлю. Я не дам никому пострадать».

Эти слова не прозвучали вслух — они ударили прямо в грудь, как собственный крик. И следом — удар.

Земля треснула. Из разлома хлынуло холодное, равнодушное ничто, пожирая траву, деревья, свет. Крики. Падающие стволы. И тот самый взгляд Файлы, когда она поняла: она не щит. Она — часть удара.

Видение оборвалось так же резко, как началось. Я пошатнулся, хватая ртом воздух, и едва не упал. Милана успела подхватить меня под локоть, её пальцы впились в ткань плаща. Я понял, что пропал. Это она. Она мое будущее. Или этого будущего просто нет.

— Лир! Что с тобой?

— Не моё... — прохрипел я, прижимая ладонь к груди, где сердце колотилось так, будто хотело вырваться наружу. — Это не моё воспоминание. Оно ворвалось... как шторм. — Я все не мог осознать, но уже понимал, больше ничего не будет как прежде. Она мой свет, воздух, жизнь и без нее ничего нет.

Милана нахмурилась, оглядываясь по сторонам, будто искала источник угрозы.

— Чьё тогда?

Я закрыл глаза, пытаюсь удержать обрывки, но они усколь-

зали, как дым. Остался только вкус — горечь поражения и эта упрямая, почти безумная решимость. И ещё одно: чувство вины, тяжёлое, липкое, вьёвшееся в каждую клетку. Найти. Скоро найду. Я чувствовал своей силой.

— Не знаю, — прошептал я, и это признание обожгло сильнее любого видения. — Но оно было настоящим. И оно... живое. Будто тот, кто это пережил, сейчас где-то рядом.

Ветер снова взвыл, и на этот раз в его вое мне почудился не просто шум, а чей-то тихий всхлип, быстро подавленный. Я резко поднял голову, вглядываясь в сумерки, словно мог разглядеть в них ту самую девушку из видения.

И вдруг понял: это была та, из сада. Файлы.

Теперь я вспомнил её лицо — не просто как случайный образ, а как часть этого кошмара. В её глазах, когда она смотрела на меня, была не просто настороженность, а старая, глубоко спрятанная боль, которую она носила, как доспех. И в этом взгляде читалось ещё кое-что: упрямство, которое не позволяло ей сдаться даже тогда, когда всё вокруг рушилось.

— Мы должны идти дальше, — твёрдо сказала Милана, хотя в её голосе дрожала тревога. — Если эти видения —

предвестники, то каждый миг на счету.

Я кивнул, заставляя себя сделать шаг, потом ещё один. Но теперь я шёл не только навстречу рунам. Я шёл навстречу этому воспоминанию, к его источнику, к той, кто его хранила.

Потому что впервые мой дар не просто показывал мне будущее — он позволил мне почувствовать чужую боль так остро, будто это была моя собственная. И я не мог просто пройти мимо.

Тропа уводила нас всё глубже в тень восточных холмов, где небо становилось чёрным, как прогоревший уголь, а звёзды казались холодными осколками стекла. Где-то впереди, среди этой тьмы, ждало нечто, что могло либо объяснить всё, либо окончательно меня сломать.

Но теперь у меня была ещё одна причина не останавливаться.

Файлы.

Если её прошлое — ключ к тому, что происходит с Лераном, если её вина и её сила — часть этой цепи, то я должен был её найти. Не как провидец, который видит судьбы. А как

человек, который вдруг понял, что не может вынести мысли о том, что она снова окажется одна перед лицом катастрофы.

— Держись ближе, — тихо сказал я Милане, и она кивнула, не задавая лишних вопросов. Мы шли вперёд, а за нашими спинами Леран вздыхал, будто сожалея о том, что придется раскрывать свои тайны через боль.

Глава 3. Встреча Лира и Файлы.

Тропа становилась всё уже, будто сама земля не хотела пускать нас дальше. Корни, обычно прятавшиеся под слоем прелой листвы, теперь выползали на поверхность, сплетаясь в тугие узлы, словно пытались схватить за ноги. Воздух пах не зеленью, а пеплом — странным, сухим, чужим запахом, которого не должно было быть на Леране.

Милана шла впереди, держа в руке светящийся кристалл — его мягкий свет едва пробивался сквозь сгустившуюся тьму. Я шёл следом, и с каждым шагом мой дар становился тяжелее, как будто я нёс на плечах не плащ, а кусок самой планеты, раскалённый и дрожащий от напряжения. Видения накатывали волнами, но теперь они не были бессвязными: в них всё чаще мелькала одна и та же картина — разлом, падающие деревья, и в центре этого хаоса — Файлы, с лицом, искажённым болью и решимостью.

— Чувствуешь? — тихо спросила Милана, не оборачиваясь.

Я кивнул, хотя она не могла меня видеть. Чувствовал. Не просто «что-то», а нарастающий холод, который шёл не от ветра, а из-под земли. Он пробирался сквозь подошвы сапог,

поднимался по ногам, сжимал грудь. Это был не обычный холод, а отсутствие тепла — будто сама жизнь здесь была стёртой, выжженной.

Мы вышли на край небольшой поляны, и тут тропа оборвалась. Дальше начиналась мёртвая зона.

Она выглядела как шрам на теле Лерана. Трава здесь не просто увяла — она исчезла, будто её никогда и не было. Земля была серой, плотной, похожей на застывшую золу. Деревья по краю зоны стояли, как окаменевшие стражи: их ветви были сухими, безжизненными, а кора потрескалась, обнажая тёмную, почти чёрную сердцевину. Даже воздух здесь казался тяжелее, будто каждый вдох приходилось вырывать у пустоты.

Милана остановилась, подняв кристалл выше. Его свет скользнул по границе мёртвой зоны и тут же будто съёжился, потеряв половину своей яркости.

— Это место... — прошептала она, и голос её прозвучал непривычно тихо. — Оно не просто мёртвое. Оно сопротивляется жизни.

Я шагнул вперёд, к самой кромке, и вдруг почувствовал не видение, а присутствие. Чьё-то дыхание, чей-то страх, та-

кой знакомый, что у меня защемило в груди. Это была она. Файлы.

И в тот же миг из-за изогнутого ствола старого дерева, который ещё цеплялся за жизнь на самом краю зоны, вышла она.

Она стояла неподвижно, будто сама стала частью этого окаменевшего пейзажа. Её волосы цвета осенней листвы были слегка растрёпаны, одна прядь, как всегда, падала на глаза, и она машинально, почти не замечая этого, откинула её назад. В её тёмно-зелёных глазах, похожих на лесную тень, читался не просто страх — в них была старая, вьёвшаяся в душу усталость, смешанная с упрямым нежеланием сдаваться.

На ней был простой дорожный плащ, местами испачканный землёй, а на запястьях — тонкие кожаные ремешки, будто она пыталась удержать на себе хоть какую-то опору. В руках она сжимала небольшой нож с резной рукоятью — не для нападения, а скорее как последнее напоминание о том, что она ещё может что-то защитить.

Её взгляд скользнул по мне, по Милане, по мёртвой зоне, и на мгновение в нём мелькнуло узнавание — такое быстрое, что, возможно, никто другой бы его не заметил. Но я заме-

тил. Потому что в этот момент мой дар не показал мне картинку — он позволил мне почувствовать то, что чувствовала она: ледяной холод, поднимающийся от земли; горечь вины, которая годами лежала на сердце; и крошечный, упрямый огонёк надежды, который она прятала даже от самой себя.

— Файлы, — выдохнул я, сам не понимая, как её имя сорвалось с моих губ.

Она вздрогнула, будто звук её имени здесь, на этой границе, был чем-то запретным. Её пальцы крепче сжали рукоять ножа, но взгляд не стал враждебным — скорее настороженным, как у зверя, который знает, что бежать некуда, но всё ещё надеется, что его не заметят.

— Ты знаешь моё имя, — тихо сказала она, и её голос прозвучал так, будто каждое слово приходилось вытаскивать из самой глубины груди.

— Знаю, — ответил я, делая осторожный шаг вперёд, но не пересекая границу зоны. — Не так, как должен был. Через... боль. Твою боль.

Её глаза расширились, в них мелькнул ужас, быстро спрятанный за маской недоверия.

— О чём ты?

— Я провидец, — сказал я, не отводя взгляда. — И сегодня мой дар впервые показал мне не будущее, а прошлое. Твоё прошлое. Обрыв.

Файлы побледнела, и на её лице проступила такая глубокая, почти физическая боль, что мне захотелось сделать что угодно, лишь бы стереть её. Она покачала головой, будто пытаясь отогнать эти слова, как назойливых насекомых.

— Не надо, — прошептала она. — Не говори этого. Я не хочу, чтобы кто-то знал. Особенно... особенно тот, кто может увидеть всё.

— Я не хочу видеть всё, — твёрдо сказал я, и это была чистая правда. — Я хочу понять. Хочу помочь.

Она горько усмехнулась, и эта усмешка была полна горечи и старой обиды на саму себя.

— Помочь? Никто не мог помочь тогда. И никто не может сейчас. Эта зона — моё наказание. Я создала её. Или, по крайней мере, я стала той искрой, из-за которой всё вспыхнуло.

Милана шагнула вперёд, осторожно, но решительно.

— Никто не должен нести такое в одиночку, — мягко сказала она. — Особенно если это связано с тем, что происходит сейчас. Посмотри: зона растёт. Леран чувствует это. И если руны на востоке — ключ к тому, как остановить это, мы должны идти туда. Вместе.

Файлы перевела взгляд с Миланы на меня, и в её глазах промелькнула борьба: желание убежать, спрятаться от всего этого, и одновременно — усталость от одиночества.

— Зачем вам это? — спросила она, и в её голосе прозвучала такая искренняя растерянность, что у меня сжалось сердце. — Зачем вам помогать той, которая уже однажды всё разрушила?

Я сделал ещё один шаг, теперь уже вплотную к границе мёртвой зоны. Холод коснулся моих сапог, но я не отступил.

— Потому что я видел, как ты пыталась всё исправить, — тихо сказал я. — Я видел твоё «я смогу». И я знаю, каково это — нести на себе тяжесть, которую никто не должен нести. Ты не одна. И ты не обязана быть сильной каждую секунду.

В её глазах что-то дрогнуло. Маска жёсткости, которую

она носила годами, дала трещину, и сквозь неё проглянула настоящая Файлы — уязвимая, испуганная, но всё ещё готовая бороться. Её пальцы разжались, и нож бесшумно упал на сухую землю. Она не заметила этого.

— Я так устала бояться, — прошептала она, и эти слова прозвучали как признание, которое она не решалась произнести годами. — Боюсь, что если я снова попытаюсь помочь, всё станет только хуже.

Я протянул руку, не переступая границу, но достаточно близко, чтобы она могла дотянуться.

— Тогда позволь мне бояться за двоих. Пока ты будешь просто идти вперёд.

Несколько долгих секунд она смотрела на мою руку, будто это был не жест, а целая история, которую ей предстояло прочитать. Потом медленно подняла взгляд на меня. В её глазах больше не было только страха — там появилась надежда, робкая, как первый росток сквозь треснувший камень.

Она сделала шаг. Ещё один. И наконец её пальцы коснулись моих — холодные, дрожащие, но твёрдые.

В тот момент, когда наши руки соединились, мёртвая зона будто вздрогнула. По серой земле пробежала едва заметная рябь, и где-то глубоко под ней что-то шевельнулось — не злое, не враждебное, а скорее удивлённое, как будто сама пустота не ожидала, что кто-то посмеет бросить ей вызов.

Милана тихо выдохнула, а я почувствовал, как холод, который сковывал меня всё это время, начал отступать, сменяясь странным, тёплым ощущением — не просто тепла кожи, а чего-то большего. Будто между нами протянулась невидимая нить, сплетённая из доверия, боли и надежды.

— Мы пойдём на восток, — твёрдо сказала Милана, оглядываясь на растущую тьму за холмами. — К рунам. И на этот раз мы не позволим прошлому управлять нами.

Файлы посмотрела на меня, всё ещё не отпуская моей руки, и в её взгляде я прочёл не только страх, но и благодарность — и что-то ещё, едва уловимое, но невероятно важное. Что-то, что обещало: даже если впереди нас ждёт тьма, мы встретим её не поодиночке.

— Хорошо, — тихо, но уверенно произнесла она. — Я пойду с вами.

Ветер, который до этого выл над мёртвой зоной, вдруг

стих, будто сам Леран прислушался к её словам. И где-то далеко, на востоке, руны снова шевельнулись, отзываясь на этот выбор.

Мы двинулись вперёд — трое, связанных не случайно, а судьбой. И в этом движении, в этом шаге от одиночества к единству, зарождалось нечто большее, чем просто союз. Это было начало любви — не той, что приходит легко и безмятежно, а той, что рождается в огне испытаний, закаляется в боли и становится крепче стали, потому что оба знают: они видели друг друга на самом краю, и всё равно остались рядом.

Глава 4. Танец света и тени.

Мы шли вдоль границы мёртвой зоны, и с каждым шагом Леран будто пытался нас остановить. Земля под ногами становилась рыхлой, как пепел, и стоило ступить чуть в сторону — она проседала с тихим, зловещим шорохом, обнажая тёмные пустоты, будто сама планета здесь была истончённой, готовой рассыпаться.

Милана шла впереди, держа кристалл так, чтобы его свет скользил по земле, высвечивая ловушки. Файлы шла рядом с ней, показывая дорогу. И ловушки были.

Первая — тонкая плёнка из серебристого инея, который не таял даже от тепла наших шагов. Он покрывал камни и корни, и стоило коснуться его — по коже пробежал ледяной разряд, высасывающий силы. Файлы первой заметила её: она резко отдернула ногу, когда носок сапога едва коснулся этой мерцающей корки.

— Не наступай, — выдохнула Файла, голос её звучал хрипло, будто она только что пробежала долгий путь. — Это не просто холод. Это... вытягивает магию. Даже ту, что живёт в самой крови.

Я замер, чувствуя, как по спине пробегает нехороший холодок. Мой дар на мгновение сжался, будто съёжился от этого инея, и я понял: она знает, о чём говорит. Она не просто чувствовала растения — она чувствовала саму суть магии Лерана.

Мы обошли ловушку по узкой кромке, где земля ещё держалась, а не осыпалась вниз. Файлы шла теперь чуть впереди, внимательно глядя под ноги, и в этом её движении было что-то новое: не только осторожность, но и уверенность. Она знала эту угрозу не по книгам — она уже встречала её лицом к лицу.

Вскоре тропа нырнула в узкий проход между двумя нависшими скалами. Здесь воздух стал густым, почти липким, и даже свет кристалла тускнел, будто вяз в этой темноте. И тут Милана вдруг остановилась, резко подняв руку.

— Слышите? — прошептала она.

Сначала я ничего не слышал. Только тихий, едва уловимый скрежет, похожий на то, как когти царапают камень. Потом — шёпот. Но не ветер. Это был голос, низкий, тягучий, будто говоривший сквозь толщу воды.

«Они идут...»

Слова прозвучали не снаружи, а внутри головы. Я стиснул зубы, пытаюсь оттолкнуть этот шёпот, но он не уходил. Он был чужим, холодным, пропитанным злобой.

Файлы вздрогнула, её пальцы впились в рукоять ножа, который она снова подобрала.

— Это не эхо, — прошептала она, и её голос дрожал не от страха, а от ярости. — Это... нас проверяют.

И в тот же миг из темноты выскользнули тени. Не просто сгустки мрака — они двигались, как живые, с длинными, изогнутыми конечностями, похожими на корни, но лишёнными жизни. Они тянулись к нам, и там, где касались земли, трава чернела и рассыпалась в пыль.

Милана вскинула кристалл, и его свет ударил по теням, заставляя их отшатнуться с тихим шипением. Файлы метнулась вперёд, не к бегству, а к атаке: она полоснула ножом по воздуху, и лезвие, казалось, рассекло не просто тень, а самую ткань тьмы. От удара по камням пробежала зелёная искра, и одна из теней рассыпалась, оставив после себя лишь запах гнили и пепла.

— Они питаются страхом, — бросила Файлы, тяжело ды-

ша, но не отступая ни на шаг. — Если дать им хоть каплю сомнения, они станут сильнее.

Я смотрел на неё и не узнавал ту девушку из сада — тихую, настороженную, прячущую взгляд. Сейчас в её движениях была отточенная точность, в глазах — холодная решимость. Она не была беззащитной. Она была воином, который слишком хорошо знал цену своих ошибок.

Но стоило мне подумать об этом, как между нами снова скользнула неловкость — тонкая, как лезвие. Файлы поймала мой взгляд и тут же отвернулась, будто стыдясь этой своей силы.

— Не смотри на меня так, — резко бросила она, и в её голосе прозвучала старая обида. — Я не героиня. Я просто знаю, как не умереть.

— Я и не смотрю на тебя как на героиню, — тихо ответил я, делая шаг ближе, но стараясь не нарушить её пространство. — Я смотрю на тебя как на того, кто знает дорогу. И это сейчас важнее всего.

Она на мгновение замерла, будто эти слова ударили по ней сильнее любой тени. Потом кивнула, коротко, почти резко, но в этом кивке была благодарность.

Мы двинулись дальше, теперь уже почти плечом к плечу. Тени больше не нападали в открытую — они кружили по краям тропы, выжидая, когда мы ошибёмся. И мы ошибались.

На повороте тропа резко ушла вниз, и Файлы поскользнулась на гладком, словно отполированном камне. Я рванулся вперёд, схватил её за руку, и на миг наши пальцы сплелись. В этот момент мой дар вспыхнул не видением, а ощущением: я почувствовал не её прошлое, а её настоящее — холод страха, который она так старательно прятала, и упрямое, горячее желание не подвести нас.

— Держись! — крикнул я, подтягивая её вверх.

Она вцепилась в мою руку так, будто это была единственная опора в мире, и когда наконец встала на твёрдую землю, её лицо было бледным, но глаза горели.

— Спасибо, — выдохнула она, и это слово прозвучало так, будто она редко его произносила.

— Всегда, — ответил я, и сам удивился, как легко это сорвалось с языка.

Тропа вывела нас к небольшому уступу, откуда открывался вид на долину, затянутую густой, неестественной мглой. В центре долины, на вершине холма, мерцали руны — те самые, что вспыхнули на востоке. Но теперь я видел не просто светящиеся линии. Я видел, как они пульсируют, как будто дышат, и с каждым ударом из них вырывается волна холода, заставляя землю содрогаться.

И тут, среди этой тьмы, я заметил фигуру.

Она стояла на краю холма, выше рун, в длинном тёмном плаще, и её силуэт казался вырезанным из самой ночи. Фигура подняла руку, и руны вспыхнули ярче, а тени вокруг нас взвыли, будто отвечая на этот зов.

— Кто это? — прошептала Милана, в её голосе звучала сталь, но я слышал и другое — ужас.

Файлы побледнела, её пальцы произвольно сжали мою руку, и я почувствовал, как её пронзает ледяная волна узнавания.

— Мастер Тарен, — прошептала она так тихо, что, если бы не мой дар, я бы не расслышал. — Мой учитель. Тот, кто предупреждал меня... и тот, кто, возможно, всё это и начал.

Я резко повернулся к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— Он говорил, что магия — это огонь, — её голос дрожал, но она не отводила взгляда от фигуры на холме. — Но он не хотел её укрощать. Он хотел... подчинить. Он искал способ связать силу Лерана с чем-то древним, чем-то, что спит под землёй. Я пыталась его остановить, но... я была слишком слаба. А теперь... теперь он нашёл способ.

В этот момент фигура на холме медленно повернула голову, будто почувствовав наш взгляд. Даже с такого расстояния я увидел его глаза — чёрные, бездонные, в которых не было ни капли человечности. Он улыбнулся, и эта улыбка была холоднее самой мёртвой зоны.

— Они уже здесь, — прошептал он, и его голос прокатился по долине, как раскат грома. — И они узнают, что значит служить истинному порядку.

Руны вспыхнули в последний раз, и тьма хлынула вниз, прямо на нас.

Милана схватила кристалл обеими руками, и его свет вспыхнул, образуя тонкий барьер. Файлы встала рядом со

мною, плечом к плечу, и я почувствовал, как её дрожь переходит в решимость.

— Мы не позволим ему забрать Леран, — твёрдо сказала она, глядя прямо на фигуру на холме.

— И мы не позволим тебе снова нести это в одиночку, — ответил я, не сводя с неё глаз.

Тьма ударила по барьеру, и мир на мгновение исчез в ослепительной вспышке. Но когда свет рассеялся, мы всё ещё стояли. Трое. Связанные не случайностью, а выбором.

Тьма снова ударила по барьеру из света, и на миг мир исчез в ослепительной вспышке. Когда пелена рассеялась, мы стояли на узком уступе, а перед нами, в долине, клубилась тьма, будто сама ночь собралась в тугой комок и теперь искала, куда вонзить когти.

Милана стиснула кристалл, и его свет дрожал, как пламя на ветру.

— Я не могу дотянуться до растений, — прошептала она, и в её голосе звучала не слабость, а горькое недоумение. — Здесь... здесь нет их голоса. Они молчат. Как будто их просто стёрли.

Я видел, как она пытается, чувствовал это напряжение, эту отчаянную попытку найти хоть одну живую нить, за которую можно ухватиться. Но мёртвая зона не просто убивала зелень — она выжигала саму возможность связи. Для Миланы, чья сила была в единстве с жизнью с растениями, это было как пытаться дышать под водой.

Файлы шагнула вперёд, не к Милане, а ко мне, и в этом движении не было ни просьбы, ни приказа — только молчаливое предложение: «Доверься мне».

— Я чувствую, где тьма тоньше, — сказала она, прикрывая глаза, и её пальцы слегка дрожали, но голос звучал твёрдо. — Она не везде одинакова. В некоторых местах она... дышит. И там, где она втягивает воздух, она становится уязвимой.

Я кивнул, не тратя время на лишние слова, и закрыл глаза, позволяя своему дару раскрыться не как шторму, а как тихому течению. Обычно видения обрушивались на меня, как волны, но сейчас я попытался не сопротивляться им, а направить, как парус ловит ветер.

И вдруг всё изменилось.

Вместо хаотичных образов передо мной возникла карта

тьмы — не глазами, а ощущениями. Я видел не линии и формы, а потоки: где тьма сгущалась, где она истончалась, где в ней пульсировали слабые места, похожие на тонкие мембраны. И в центре этого узора, на вершине холма, стоял мастер Тарен — не как точка, а как источник, как сердце, которое заставляло эту тьму биться.

— Туда, — выдохнул я, указывая на узкий проём между двумя сгустками мрака, где тьма казалась чуть прозрачнее, словно её кто-то проколол иглой. — Если ударить туда, мы сможем прорваться ближе к нему.

Файлы кивнула, не задавая вопросов. Она не просила доказательств — она просто поверила. И эта вера была крепче любого щита.

— Держи направление, — сказала она и, не оглядываясь, шагнула в темноту.

Мы двинулись вперёд, и тьма встретила нас не молчанием, а шёпотом. Голоса, сотканые из холода, пытались проникнуть под кожу, нашептывая старые страхи: «Ты не справишься», «Ты снова всё разрушишь», «Ты никому не нужен». Файлы шла первой, и каждый раз, когда шёпот касался её, она сжимала кулаки, но не останавливалась.

— Не слушай их, — бросил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как якорь, как что-то твёрдое в этом колеблющемся мире. — Это не твои мысли. Это его магия.

Она коротко кивнула, не оборачиваясь, но я почувствовал, как её решимость стала чуть плотнее, будто она накинула на себя невидимый плащ.

Когда тьма сомкнулась вокруг нас, Файлы вдруг остановилась, подняв руку.

— Здесь, — прошептала она. — Сейчас.

В тот же миг я увидел вспышку: слабое место, пульсирующее, как рана. Я не думал — я ударил туда силой своего дара, не как провидец, который видит будущее, а как воин, который бьёт в цель.

Воздух взорвался светом, тьма отпрянула, и на мгновение перед нами открылся узкий проход. Файлы метнулась вперёд, её нож вспыхнул зелёным огнём — не от магии, а от самой сути Лерана, которую она чувствовала даже здесь, в мёртвой зоне. Она полоснула по сгустку тьмы, и тот рассыпался, как сухой пепел.

— Ты чувствуешь это? — крикнула она, глядя на меня, и

в её глазах не было страха — только азарт и удивление, будто она впервые увидела, что может не только разрушать, но и защищать.

— Чувствую, — ответил я, и это было правдой. Я чувствовал не только тьму, но и то, как Файлы с ней борется: её ярость, её надежду, её упрямое нежелание сдаваться. — Ещё раз. Там, левее.

Мы двигались как единое целое: она чувствовала, где тьма слабеет, я видел, куда нужно ударить, и каждый наш удар отзывался в другом, усиливая его. Это было похоже на танец, где партнёры не смотрят друг на друга, а чувствуют ритм. Когда я касался ее, то видел ее глазами и добивал.

Милана прикрывала нас сзади, держа кристалл перед собой, как щит. Его свет не мог рассеять тьму полностью, но он сдерживал её, не давая сомкнуться вокруг нас.

— Почему он это делает? — крикнула Милана, когда очередной сгусток тьмы отлетел в сторону, рассыпаясь на искры. — Зачем уничтожать Леран?

Файлы на мгновение замерла, и в её взгляде промелькнула старая боль.

— Он не считает, что уничтожает, — тихо сказала она, будто разговаривала не с нами, а с самой собой. — Он верит, что спасает. Он всегда говорил, что Леран слишком... хаотичен. Что его магия — это стихия, которая рано или поздно сожжёт саму себя. Он хотел подчинить её, сделать послушной, чтобы никто больше не страдал от её капризов. Он думал, что если связать её с древней силой, которая спит под землёй, то сможет контролировать каждую искру, каждый порыв ветра.

— И сколько людей он готов принести в жертву ради этого «контроля»? — резко спросила Милана, и в её голосе звенела ярость.

Файлы покачала головой.

— Он не думает о жертвах. Для него это... побочные эффекты. Как вырубка леса, чтобы построить дорогу. Дорога нужна, а деревья — просто материал.

Мы выбрались на небольшую поляну, и здесь тьма уже не клубилась, а стояла плотной стеной, преграждая путь к холму. В центре этой стены мерцала тонкая линия — будто трещина в стекле. Я видел, как по ней пробегают искры, и знал: это не просто уязвимость. Это канал, по которому сила текла от Тарена к рунам и дальше — к самой мёртвой зоне.

— Если мы разорвём этот канал, — сказал я, глядя на Файлы, — мы ослабим его связь с рунами. Возможно, даже сможем заставить их погаснуть.

Файлы посмотрела на меня, и в её взгляде я прочёл не только понимание, но и доверие — такое, которое не даётся сразу, а зарабатывается в бою, шаг за шагом.

— Тогда нам нужно подойти ближе, — сказала она. — Я смогу почувствовать момент, когда канал станет тоньше. И тогда ты ударишь.

Мы двинулись к стене тьмы, и с каждым шагом холод становился всё острее, будто сам воздух затачивал свои лезвия. Когда до стены оставалось всего несколько шагов, Файлы вдруг резко остановилась.

— Сейчас, — прошептала она, закрывая глаза. — Он... он чувствует нас. Канал дрожит. Ещё мгновение...

Я сосредоточился, и видение вспыхнуло с такой ясностью, что на секунду я забыл, где нахожусь. Я видел не просто канал — я видел его структуру: тонкие нити силы, сплетающиеся в тугой узел прямо перед нами.

— Удар! — крикнул я.

Файлы взмахнула ножом, и зелёное пламя вспыхнуло ярче, чем раньше. Я вложил в удар всю свою волю, все свои страхи, всю свою решимость защитить то, что мне стало дорого.

Стена тьмы взорвалась светом и тенью, и на мгновение всё замерло. А потом, когда пыль осела, мы увидели его.

Мастер Тарен стоял на вершине холма, и его плащ развевался, как крылья хищной птицы. Его лицо было спокойным, почти умиротворённым, будто он смотрел не на битву, а на давно ожидаемый рассвет.

— Вы думаете, что боретесь за спасение, — произнёс он, и его голос звучал не как крик, а как тихий, уверенный шёпот, который проникал в самую душу. — Но вы боретесь лишь за сохранение хаоса. Леран болен, дети мои. Его магия — это лихорадка. И я — единственный, кто может его вылечить. Даже если для этого придётся сжечь часть леса, чтобы спасти всё дерево.

Файлы сделала шаг вперёд, и её рука дрогнула, но не от страха, а от гнева.

— Ты не лечишь, — крикнула она, и её голос звенел, как натянутая струна. — Ты убиваешь его душу! Леран — это не механизм, который нужно подчинить. Это живое сердце, и оно бьётся, потому что свободно!

Тарен чуть склонил голову, будто прислушиваясь не к её словам, а к чему-то внутри себя.

— Свобода убивает, — спокойно ответил он. — Я видел это. Я видел, как магия Лерана ломала судьбы, как она сжигала целые деревни, как она заставляла людей становиться чудовищами. Я не хочу, чтобы это повторилось. Даже если ради этого мне придётся стать тем, кого вы будете ненавидеть.

Он поднял руку, и руны на холме вспыхнули с новой силой. Тьма вокруг нас взвыла, собираясь в огромную волну, готовую обрушиться и стереть нас с лица планеты.

Но на этот раз мы не дрогнули.

Файлы повернулась ко мне, и в её взгляде было не отчаяние, а решимость.

— Мы не позволим ему забрать Леран, — сказала она.

— И мы не позволим прошлому сломать нас, — ответил я, протягивая ей руку.

Она схватила её, и в этот момент между нами пробежала искра — не магия, а нечто большее. Это было понимание: мы не одиноки в этой битве. Мы — союз, рождённый не из удобства, а из необходимости, закалённый в огне и теперь готовый встретить любую бурю.

Тень обрушилась на нас, но на этот раз она разбилась о нашу решимость, о нашу связь, о то, что мы нашли друг в друге.

Глава 5. Пробуждение сердца Лерана.

Волна тьмы обрушилась на нас, и на миг мир исчез в непроглядной пелене. Но мы не отступили. Файлы по-прежнему сжимала мою руку, и в этом касании было больше силы, чем в любом заклинании: это была опора, за которую можно держаться, когда рушится всё остальное.

— Держи связь! — крикнул я, закрывая глаза и позволяя видениям не захлёстывать меня, а течь сквозь меня, как река сквозь камни. — Я вижу, как движется тьма. Она не монолит — в ней есть разрывы, как трещины во льду.

Файлы кивнула, не отпуская моей руки, и прикрыла глаза. Её дыхание стало ровным, почти незаметным, будто она перестала быть человеком и превратилась в часть ветра, в часть земли.

— Я чувствую, — прошептала она. — Там, где ты видишь трещины, тьма пульсирует. Она не живая, но она... дышит. И в каждом вдохе она становится тоньше.

Милана держалась позади, выставив перед собой кристалл. Его свет больше не был ярким — он стал плотным, тяжёлым, как расплавленное стекло, и именно эта плотность удерживала тьму на расстоянии.

— Здесь я бессильна, — тихо сказала Милана, и в её голосе звучала не обида, а горькая ясность. — Растения молчат. Но я могу держать барьер. Пока могу.

Я снова сосредоточился, и картина вспыхнула с пугающей чёткостью: тьма была не просто массой — она была сетью, сотканной из тысяч нитей, и все они сходились к Тарену. Но между этими нитями были пустоты, слабые места, куда можно было ударить.

— Сейчас, — выдохнул я, указывая свободной рукой в сторону, где одна из трещин была шире остальных. — Туда. В самый центр разрыва.

Файлы не колебалась. Она шагнула вперёд, и её нож вспыхнул зелёным пламенем — не от её воли, а от самой сути Лерана, которую она чувствовала даже в этой мёртвой пустоте. Она взмахнула клинком, и лезвие не просто рассекло воздух — оно словно коснулось самой ткани тьмы, заставляя её звенеть, как натянутую струну.

В тот же миг я ударил силой своего дара — не хаотично, не вслепую, а точно в ту точку, которую видел. Это был не крик, а шёпот, усиленный волей: тихий, но такой твёрдый, что он прошёл сквозь тьму, как игла сквозь ткань.

Тьма застонала, будто живое существо, и отступила, открывая перед нами узкий проход. Но это было только начало. Тарен не дрогнул. Он стоял на вершине холма, спокойный, словно наблюдал не за битвой, а за учебным упражнением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.